Братерский М.В.¹ ©, 2020

Истоки новой холодной войны: Основные черты системного конфликта XXI века

***Аннотация.** Главный вопрос, который ставится в предлагаемой статье, состоит в том, является ли нынешняя напряженность в международных отношениях неким повторением холодной войны или мировое сообщество наблюдает совершенно иное явление? Продвижение ведущейся на эту тему дискуссии могло бы подсказать сегодняшнему поколению политиков и экспертов, насколько применим сейчас опыт взаимодействия великих держав времен конфликта 1947–1989 гг., каковы перспективы разрешения нынешнего конфликта и существуют ли решения, которые хоть в какой-то степени устроили бы соперников. В статье сравниваются основные черты «старой» и «новой» холодной войны по таким характеристикам, как массовость участия в ней, роль идеологии, степень напряженности военного противостояния, концентрация всех сил и ресурсов на борьбе с соперником. Статья основана на качественном анализе и не обращается к статистическим данным и количественным аргументам. Автор приходит к выводу, что, хотя по многим параметрам новый конфликт отличается от предыдущей холодной войны, его природа не изменилась по сравнению с конфликтом предыдущего исторического периода. Изменился*

¹ Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (bratersky@gmail.com).

инструментарий, доступный участникам конфликта, уменьшилась роль идеологии, менее остро ощущается степень военной опасности, но нынешний конфликт с полным правом можно называть холодной войной. Основные ее особенности состоят в том, что нынешняя холодная война разворачивается в эпоху глобализации и распространения ядерного оружия, что и придает ей характерные черты соперничества-сотрудничества. В определенном смысле нынешний конфликт продолжает «старую» холодную войну – так же как Вторая мировая война стала следствием результатов Первой мировой войны и Версальского мирного договора, который не создал основы для долгосрочного и устойчивого мира.

Ключевые слова: *холодная война, глобальное управление, национализм, Россия, Китай, США.*

После 1989 г., когда Советский Союз согласился на объединение Германии и вывод своих войск из Восточной и Центральной Европы, большинство политиков и экспертов считали, что холодная война закончилась навсегда. Некоторые, впрочем, датируют конец периода глобального противостояния двух систем 1991 годом, датой распада Советского Союза [Wallerstein, 2009]. Вне зависимости от разногласий по поводу даты окончания холодной войны Запад ликовал, видя исчезновение своего старого врага вместе с военной угрозой, которую тот собой представлял, а граждане уходящего Советского Союза всерьез поверили в перспективу «вступления в семью европейских народов» и рассчитывали на эффективные политические и экономические реформы, стремительный рост благосостояния и личных свобод. Выступая в Совете Безопасности ООН 31 января 1992 г., президент РФ Б. Ельцин настаивал, что Россия «рассматривает Соединенные Штаты и другие страны Запада не только как партнеров, но и как союзников» (цит. по: [Бажанов, 1999, с. 5]). В тот момент большинство граждан России считали, что Россия разделяет с Западом основополагающие внешнеполитические принципы: «главенство демократических прав и свобод личности, законности и морали» [там же].

В мире, казалось, не осталось более разделительных линий. Все страны строили капитализм и демократию, все исповедовали в той или иной степени либеральную идею, а Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории» – завершение противостояния ос-

новых идеологий XX в. (либерализма, коммунизма и фашизма) [Fukuyama, 1989]. Идеологических оснований для продолжения конфликта не осталось, конфликты, основанные на идеологии, должны были исчезнуть, соперничество должно было трансформироваться в цивилизованное соревнование в экономической области.

Тридцать лет спустя мир возвращается в состояние разделенности. Надежды, связанные с формированием единой интегрированной мировой экономики, планетой без границ, возникновением и укреплением некоего глобального трансграничного общества [Scholte, 2005], потускнели. Не исчезли глобальные разломы между Севером и Югом, бедными и богатыми странами, разве что границы разломов на некоторых участках сдвинулись – Сингапур, Южная Корея и несколько других стран перешли в разряд развитых экономик. Единая либеральная идеология пошла трещинами, разные государства и народы очень по-разному трактуют вопросы, касающиеся индивидуальных свобод, места религии, роли государства в развитии, суверенитета. Снова поднял голову национализм, выяснилось, что в отсутствие ведущей роли государства инициатива переходит к транснациональным корпорациям, которые выстраивают глобальную экономическую систему по-своему и вовсе не обязательно в интересах большинства граждан. Соответственно, на эти процессы реагирует и система международных отношений.

Сегодня мало кто сомневается в том, что современная система международных отношений, разрываемая внутренними конфликтами, вновь находится в кризисе. Многие эксперты и политики полагают, что мир (и прежде всего Россия) опять пребывает в состоянии холодной войны и что по масштабу (но не по форме) новый международный конфликт вполне сопоставим со старым [Tisdall, 2014; Trenin, 2014]. Обратимся к основным тезисам, используемым в этой дискуссии, чтобы осветить основные черты предыдущей холодной войны.

Холодная война: взгляд из сегодняшнего дня

Один из аргументов в пользу того, что нынешние международные конфликты не сравнимы *по своему масштабу* с холодной войной 1947–1989 гг., состоит в том, что нынешний конфликт не носит глобального характера. Во время первой холодной войны в столкновение пришли два лагеря, объединяющие так или иначе большинство значимых стран мира [Zubok, Pleshakov, 1997], а сегодня мы этого не наблюдаем. Такой тезис не очень убедителен. Во-первых, первый конфликт носил всеобъемлющий характер в большей степени в глазах Советского Союза и его граждан. Такому видению способствовала и идеология развитого социализма, предполагавшая соперничество двух систем, и сама полувоенная, мобилизационная организация жизни в Советском Союзе. Даже советские союзники в Европе оценивали ситуацию менее тревожно, чем советские люди, а жители западных стран вообще не особенно остро ощущали холодную войну в своей частной жизни. Также нужно помнить, что за рамками холодной войны оставались десятки стран – членов Движения неприсоединения. Несомненно, конфликтующие великие державы, прежде всего Соединенные Штаты и Советский Союз, не оставляли попыток вовлечь неприсоединившиеся страны в борьбу на своей стороне и проводили весьма активную политику в Третьем мире, но эти усилия далеко не всегда приводили к желаемым результатам. Большая часть человечества в борьбе не участвовала, а специфическое положение Китая в тогдашней холодной войне не позволяет характеризовать ее как истинно глобальную.

Первая холодная война была очень опасной, и эта опасность была вполне реальной. Конфликт 1947–1989 гг. удерживал соперничающие государства в одном шаге от перехода в «горячую» фазу войны. Периодически конфликт приближался к опасному рубежу (Берлинский кризис, Кубинский кризис, многочисленные непрямые столкновения в Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке). В течение десятилетий огромные армии соперников глядели друг на друга сквозь прицелы, а их флоты и ВВС находились в постоянном соприкосновении друг с другом. Первая холодная война могла перейти в «горячую» стадию в любую минуту, и граждане

двух противоборствующих лагерей воспринимали военную угрозу со стороны противника как реальность. Ядерная война не воспринималась как что-то невозможное, и обе стороны строили свою политику, в том числе и экономическую, исходя из такого понимания.

Холодная война 1947–1989 гг. велась с напряжением всех сил, это была настоящая война «на смерть», хоть и не переходящая в стадию прямой вооруженной борьбы. В памяти людей предыдущая холодная война ассоциируется прежде всего с гонкой вооружений и милитаризацией экономики. До сих пор трудно ответить на вопрос, сколько Советский Союз тратил на гонку вооружений, этому мешает специфика советской экономики и ценообразования. Ясно лишь, что военные траты лежали тяжким бременем на экономике СССР и на протяжении десятилетий тормозили рост уровня жизни в Советском Союзе и, в какой-то степени, во всем социалистическом лагере. Со стороны противников социалистического лагеря мы такого напряжения не видим. Объединенный Запад обладал гораздо более крупной и эффективной экономикой, его инвестиции в гонку вооружений не только не приводили к заметному снижению уровня жизни, но порой использовались как инструмент управления экономическим ростом и источник технологических инноваций. Утверждение, что прошлая холодная война велась с таким напряжением сил, что становилась причиной экономических лишений, верно лишь отчасти. Несомненно, такой тезис справедлив для Советского Союза, но вряд ли полностью справедлив для Соединенных Штатов или, например, Южной Кореи.

Предыдущая холодная война в умах людей и политиков подпитывалась идеологическими противоречиями. Одна из основных идеологий XX в., фашизм, или крайнее проявление национализма, была уничтожена в ходе Второй мировой войны, а идеологическую борьбу продолжили две идеологии-победительницы: либерализм и коммунизм. Одна из них основывалась на приоритете личности, другая – на приоритете социальной группы, класса. Такое понимание природы холодной войны, безусловно, верно, но не полно. Два соперничающих лагеря не только различались в своей базовой идеологии и взглядах на исторический процесс, но они также представляли противоположные модели государственного управ-

ления и организации экономики. Социалистический лагерь придерживался более меркантилистских взглядов и исходил из того, что главной задачей является справедливое распределение существующего «богатства» между членами общества. Либеральный лагерь настаивал на равенстве стартовых позиций для членов общества, поощрении личного успеха и создании нового «богатства», а не на перераспределении имеющегося. Социалистический лагерь видел перспективу в расширении контроля над территорией, либеральный – в расширении географии применения определенных правил. В прикладном плане ставился вопрос о том, какая система правил будет применяться на той или иной территории, а также глобально. Идеологические разногласия были фундаментальными, но две идеологии сталкивались не столько напрямую, сколько в преломлении своих взглядов на организацию государственного управления и экономики.

В первой холодной войне была ясная линия фронта, «свои» и «чужие». Внутри противостоящих лагерей существовала сплоченность и строгая дисциплина. Систему международных отношений, характеризовавшую развитие международной системы в период холодной войны, принято определять как биполярную. Действительно, на мировой арене соперничали два центра силы, две идеологии, две экономические модели. Символом линии соприкосновения двух лагерей была Берлинская стена, разделявшая «мир социализма и мир империализма» и снесенная в 1989 г. Такая картина, просматриваемая из сегодняшнего дня, очень удобна и позволяет наглядно представить ушедшую историческую эпоху. В то же время она не полна и не точна. Куда в этой картине поместить Китай? Куда поместить Индию? В какой степени можно было считать «страны социалистической ориентации» активными соратниками СССР в борьбе с мировым империализмом? Многочисленные вопросы такого рода смазывают четкость предлагаемой картины, вносят в нее множество оттенков и нюансов.

Степень сплоченности противостоящих сторон также иногда преувеличивается. Далеко не все страны, оказавшиеся по разные стороны баррикад, без колебаний отдавали борьбе все свои силы. Вспомним события в Венгрии 1956 г. или в Чехословакии в 1968 г.

Можно привести и примеры диссидентства из другого лагеря, – например, поддержка Германией сделки века «газ–трубы», которая дала Советскому Союзу существенные ресурсы в условиях экономической войны и способствовала заметному укреплению его позиций, несмотря на отчаянное противодействие Соединенных Штатов.

Холодная война шла во всех сферах: в военно-технической, экономической, идеологической, культурной. Холодная война действительно представляла собой комплексное явление, но ее основой была все же гонка вооружений. Научно-техническая конкуренция между двумя системами в первую очередь решала задачу получения стратегического превосходства в военной сфере (военный космос, связь, атомное оружие). Различного рода ограничения, вводимые Западом на поставки технологий своему сопернику, также были направлены прежде всего на предотвращение получения Советским Союзом технологий, которые могли бы использоваться в военных целях. Технологии как таковые еще не воспринимались в качестве ключевого элемента стратегического соперничества, взрывной рост технологий 1990-х годов еще не начался. Идея глобальных цепочек добавленной стоимости, управляемых путем контроля над технологиями, также пока не существовала и не являлась предметом соперничества.

Основные особенности нынешней холодной войны

Носит ли нынешний конфликт глобальный характер? Или, возможно, он является следствием частных противоречий между некоторыми странами (результатом политики России, не желающей признать снижение своего мирового статуса, или политики Соединенных Штатов, где у власти сегодня находится эксцентричный президент-бизнесмен, или некоторых других частных факторов)? Склонны оценивать глобальную ситуацию именно таким образом существует, но подобная оценка будет неверной. Нынешнее положение дел характеризуется следующими факторами.

На мировую арену вступили «растущие державы», прежде всего КНР, Индия, Мексика, Турция, Индонезия, выходящая из кризиса Россия, которые требуют своего места за столом мирового

управления. Они требуют политического статуса, который отражал бы их новую мощь, а также бросают вызов тем институтам, которые обеспечивали главенство Запада и в мировых делах, и в распределении богатства в предыдущие десятилетия, если не столетия. «Мирное наступление» этих стран нацелено на решение нескольких задач.

Во-первых, растущие державы более не согласны занимать зависимое положение в глобальных цепочках добавленной стоимости, контролируемых западными транснациональными корпорациями. Их не устраивает вчерашнее положение дел, потому что в общем объеме произведенной добавленной стоимости им достается очень малая доля (основная прибыль получается при разработке и запуске продукта, а также при его маркетинге, дистрибуции и утилизации, а не в процессе собственно производства), а также потому, что такая ситуация делает их политически уязвимыми перед владельцами цепочек, ведь в любой момент национальная экономика, ориентированная на участие в чужих цепочках, может быть отключена от источника технологий и рынков сбыта продукции.

Во-вторых, растущие державы требуют реконфигурации мировых институтов, прежде всего экономических, которые были сформированы после Второй мировой войны в интересах стран-победительниц (СССР в создании экономических институтов, таких как МВФ и Всемирный банк, не участвовал). Их не устраивает система управления этими институтами, которая дает заведомое преимущество странам Запада, не устраивает мировая финансовая архитектура, основанная не на их национальных валютах, а на американском долларе. Их не устраивает созданная Западом система международного интеллектуального права, дающая преимущества тем странам, которые имеют возможность скупать зарубежные умы и вкладывать в исследования одолженные у других государств деньги. Наконец, всемирные правила торговли также представляются им неидеальными и, по их мнению, должны совершенствоваться.

В-третьих, растущие державы намерены хотя бы частично вывести систему мировой логистики из-под абсолютного контроля Соединенных Штатов и их союзников. Сегодня инфраструктура

мировой торговли контролируется глобальными корпорациями западного происхождения и охраняется ВМС США. Реакцией на такое положение дел являются инфраструктурные проекты Китая и усилия России по развитию судоходства в Арктике.

В нынешний конфликт вовлечено, пожалуй, гораздо больше стран и людей, чем в первую холодную войну. Как и во время предыдущей холодной войны, борьба разворачивается за то, по каким правилам будет организована завтрашняя глобальная экономика и какие страны будут иметь возможность участвовать в разработке этих правил. Территориальный момент, пожалуй, не занимает существенного места в нынешнем конфликте. Сейчас в центре конфликта находятся институты и правила. В некотором смысле, по постановке задач и по своим идеям нынешний конфликт ближе по духу к колониальным империалистическим конфликтам конца XIX в., так как в его фокусе – создание и перераспределение мирового богатства.

Опасен ли сегодняшний конфликт? С одной стороны, многие воспринимают его как нечто временное, что не может привести к действительно серьезному военному столкновению. Предыдущая холодная война была следствием Второй мировой войны и изменений, которые она внесла в расстановку сил на планете. По сути, Вторая мировая война трансформировалась в холодную войну на фоне сохранения в общественном сознании свежей исторической памяти и привычки к использованию военной силы. Новая холодная война разворачивается после 70 лет относительного мира, когда нынешнее поколение забыло, что такое по-настоящему воевать. Ни в России, ни на Западе, ни в других странах (Китае, например) широкие слои общества не воспринимают нынешний конфликт как непосредственную военную угрозу. Даже отношение к вопросу об использовании ядерного оружия меняется: политикам нынешнего поколения кажется, что ядерную войну можно удержать в неких границах и она не приведет к гарантированному уничтожению ее участников и всего человечества [Harshaw, 2019]. Новый виток гонки вооружений, создание оружия на новых принципах, слом существовавшей системы контроля над вооружениями рассматривается как нечто, достойное сожаления, но не угрожающее

немедленно и непосредственно жизни жителей вовлеченных в конфликт стран.

Вместе с тем в кажущемся отсутствии непосредственной угрозы кроется опасность. Сегодня в конфликт вовлечено гораздо больше великих держав, чем раньше, и у них нет опыта коллективного урегулирования вопросов военной угрозы. Примером этого является ДРМСД, который в двустороннем формате более не устраивает Соединенные Штаты, а в многосторонний формат не переходит из-за отсутствия заинтересованности Китая в таком решении.

Сегодня в конфликте нет четко выраженных лагерей, связанных общей дисциплиной. Если о некоей общей дисциплине блока стран Запада, представленного членами НАТО, еще можно рассуждать (хотя есть, например, Турция со своей «особой» позицией), то другие стороны играют каждая за себя и не координируют свою политику. Считать нынешнюю систему конфликтов противостоянием Запада как старого гегемона и анти-Запада, бросающего ему вызов, возможно лишь в определенных контекстах. В области традиционной безопасности коллективного анти-Запада пока не сложилось, и о единстве его политики безопасности рано говорить. Несмотря на усилия по предотвращению распространения ядерного оружия и ракетных технологий, они оказались в руках гораздо большего числа государств, чем раньше, и вероятность применения такого оружия математически увеличилась. Появились и другие факторы, которые делают сегодня силовой конфликт более опасным, чем раньше: современные общества развитых стран стали более уязвимы к воздействиям и то, что в XIX в. воспринималось бы как неприятность, сегодня станет трагедией.

Ведется ли сегодняшняя холодная война с напряжением всех сил? Тратятся ли на нее все имеющиеся ресурсы, существенно снижая уровень жизни населения? В целом этого утверждать нельзя. Ни Россия, ни Китай, ни Соединенные Штаты, ни другие страны, так или иначе участвующие в конфликте, не используют мобилизационную модель экономики. Средства, выделяемые на гонку вооружений, составляют существенные суммы, однако в процентном отношении они не сравнимы со средствами, которые тратились на

оборону, пропаганду и поддержание союзников во время первой холодной войны. За прошедшие 30 лет все ведущие державы существенно разбогатели, и военные расходы, хоть и колоссальные в абсолютных суммах, пока не являются критическими. Ни Китай, ни Россия не отказываются от целей социального и экономического развития, а западные страны, кроме США, уже давно тратят на оборону сравнительно мало. Старый лозунг «пушки вместо масла» сегодня не работает, ни одно из обществ не готово жить по принципу «все ради победы». Нет и ощущения того, что, если страна немедленно не нарастит военные мускулы, ее скоро сомнут. В российской политической дискуссии, например, активно обсуждаются темы коррупции, неэффективности бюджетных расходов, раздутых трат на госаппарат и правоохранительные органы, но практически не слышны голоса, призывающие к урезанию расходов на оборону и внешнюю политику. Та же ситуация в Китае и США, лишь европейцы время от времени поднимают эту тему.

Насколько важную роль в нынешнем конфликте играют идеологические построения? Идеологический фактор в сегодняшнем конфликте, несомненно, присутствует, но он имеет весьма искусственный характер. По большому счету, спорить сегодня не о чем: все крупные державы в той или иной форме признают демократию и рыночную экономику. Идет спор о ценностях, т.е. о деталях: насколько искренне и глубоко такие страны, как Россия и Китай, приняли демократические ценности и насколько универсальными являются политические ценности, лежащие в основе западных демократий. Спор выглядит схоластическим, большинству населения по разные стороны за разделительными линиями конфликта он совершенно не интересен и не мобилизует массы на борьбу. За спорами о ценностях слишком явно видны экономические и политические интересы участников, которые сводятся к тем же вопросам, что и всегда: кто сможет нажиться за счет других и кто сможет стать настолько сильным, чтобы заставить остальных принять его волю.

В отсутствие реальных идеологических и ценностных противоречий конфликт конструируется искусственно. Россию обвиняют во всех грехах, начиная с подавления демократии и заканчивая

вмешательством в выборы в иностранных государствах. Китай обвиняют в угнетении нацменьшинств у себя дома и в шпионаже за рубежом. В ответ изображается картина бездуховного постхристианского Запада, полного всяких извращений, и Соединенных Штатов, старающихся закабалить весь мир. Подобные идеологические конструкты достаточно эффективно разделяют народы между собой и рушат репутацию целых государств, но неспособны посеять в гражданах стран-соперников истинную ненависть. Каналы коммуникации между народами слишком широки и многочисленны, разные общества взаимосвязаны, и русофобия, синофобия, американофобия, хоть и подрывают доверие между народами, все же неспособны превратить их в убежденных врагов.

Есть ли в нынешней холодной войне «свои» и «чужие»? Разделение на черное и белое, как это было во время первой холодной войны, отсутствует, на смену ему пришли многочисленные оттенки серого. Китай и Россия заявляют о беспрецедентном стратегическом партнерстве двух государств, но китайские банки отказывают российским предприятиям в кредитах из-за боязни американских санкций. Индия и Китай разделяют ценности БРИКС и ШОС, но Индия противодействует китайскому проекту «Один пояс и один путь». Бразилия входит в БРИКС, но поддерживает американские санкции против Ирана. Даже в Атлантическом сообществе не все в порядке: США и Германия расходятся по ряду вопросов, Турция все дальше отдаляется от НАТО и ведет самостоятельную политику.

С точки зрения теории международных отношений ситуация вполне объяснима, так как в нормальных обстоятельствах великие державы никогда не интегрируются с другими великими державами. Собственно, потому они и великие, что ставят ценность собственного суверенитета на первое место. Как только исчезла общая угроза (а она, несмотря на риторику, не ощущается так остро, как 30 лет назад), а издержки от вынужденной гармонизации своей политики с политикой державы-лидера превысили выигрыш от таких действий, государства стали разбегаться в разные стороны. В нынешнем конфликте не две стороны, как раньше, а множество, и скрепы, которые должны были бы спаять Запад и не-Запад в соответствующие монолитные сообщества, становятся все слабее. На-

бывший оскомину термин «многополярность» действительно хорошо описывает складывающуюся ситуацию, а параллельная идея «концерта держав», пришедшая из XIX в., пока не стала основополагающим принципом международной жизни. В этих условиях вести холодную войну сложно, потому что невозможно определить, кто такие «мы» и кто такие «они». Политика стала крайне ситуационной. Даже пропагандистские машины не всегда успевают реагировать на изменения в отношениях между державами, реальность все больше напоминает великий роман Оруэлла, где три великие державы то воевали между собой, то объединялись в разных комбинациях. В сегодняшнем мире великих держав не три, а гораздо больше. Соответственно, и опознавание «свой-чужой» все более теряет смысл.

Если первая холодная война шла во всех сферах, то как развивается нынешняя? По сравнению с первой нынешняя холодная война менее милитаризирована и идеологизирована, но более «экономизирована». С одной стороны, наличие ядерного оружия удерживает великие державы от прямого военного столкновения, и, что бы по этому поводу ни говорили военные теоретики и радикальные политики, оно является пока мощнейшим сдерживающим фактором. С другой стороны, экономическая глобализация 1990-х годов, породившая асимметричную взаимозависимость, дала наиболее мощным игрокам мировой экономической системы эффективное экономическое оружие против соперников: технологическое, финансовое, энергетическое, логистическое и проч. Великие державы сегодня сражаются за экономическое доминирование, но, в отличие от своих предшественников, они применяют в борьбе не столько армии, сколько рычаги экономического воздействия.

Основным оружием нынешней холодной войны стали экономические санкции и разного рода ограничения. Введение санкций, которые являются формой агрессии, необходимо объяснять своему населению, и в этом вопросе на помощь приходят идеология и пропаганда. Противник демонизируется, сообщения о русских хакерах, китайских похитителях технологических секретов, американских творцах «цветных революций» не сходят с первых полос соответствующих медиа. Более того, созданные с совершенно

практической целью пропагандистские мифы начинают жить собственной жизнью. Похоже, творцы этих мифов так долго убеждали в их истинности других людей, что сами поверили в свои конструкции. У повсеместной демонизации других государств и народов есть и другая причина: некий «конец истории» действительно случился, и современным политикам все труднее продавать свой «товар» избирателям. Как выяснилось, без врага жить сложно, не удастся ни поддерживать должную дисциплину среди союзников, ни удерживаться у власти. В этих условиях все большим подспорьем для политиков становится национализм в разных формах. Его распространение в современном мире неравномерно, ему все еще противостоят гигантские силы, но национализм продолжает завоевывать умы. Наиболее популярной его формой является экономический национализм, и мы видим, как меркантилистские идеи постепенно укрепляются в политике многих ведущих государств.

* * *

Нынешние напряженность и конфликтность в международных отношениях пока не получили своего окончательного названия. Существует соблазн назвать разворачивающиеся политические процессы, торговые и санкционные войны, дестабилизацию целых регионов и «войны по доверенности» новой холодной войной. Далеко не все согласны с такой трактовкой современного состояния международных отношений, и следует признать, что сегодняшний конфликт во многом является другим. В нем иной состав участников, иная роль идеологии, иной уровень военного противостояния. В то же время то, что было определяющим в конфликте 1947–1989 гг., и в сегодняшнем конфликте остается неизменным. Во Второй мировой войне и последовавшей первой холодной войне решалось, кто из великих держав будет писать глобальные правила и управлять международной системой и мировой экономикой. Сегодня борьба ведется вокруг того же самого вопроса с той лишь разницей, что сегодняшнему «холодному» конфликту, по крайней мере пока, не предшествовала «горячая» война, силы соперников не проверены в деле и альянсы среди них не полностью выстроены.

Сегодняшний конфликт – это конфликт эпохи глобализации и асимметричной взаимозависимости. Все крупные международ-

ные игроки зависят друг от друга, но в разной степени и в разных областях. В такой ситуации, когда противоречия обостряются, а из-за наличия ядерного оружия привычными военными методами их разрешить нельзя, на первый план вышли методы экономической борьбы, технологических ограничений, информационной войны, вмешательства во внутренние политические процессы.

Сегодняшний конфликт – не идеологический, идеология играет в нем вторичную, утилитарную роль. Первая мировая война должна была определить, какие территории эксплуатирует каждая из великих держав. Вторая мировая война и последующая холодная война решали вопрос о том, как делится мир между двумя политическими и экономическими системами. Нынешний конфликт возник по вопросу о том, как будет формироваться система глобального управления в многополярном мире, какие государства и корпорации будут допущены до участия в нем и на каких условиях. Еще один вопрос – какое место в системе управления останется за национальными государствами и какое место займут глобальные институты.

Литература

- Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики (1991–1999) / Дипломатическая академия МИД России. – М., 1999. – 30 с.
- Fukuyama F. The end of history? // The National Interest. – Wash., D.C., 1989. – Issue 16. – P. 3–18.
- Harshaw T. Winning the nuclear game against Putin's Russia // Bloomberg. – N.Y., 2019. – 23.02. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-02-23/winning-the-nuclear-weapons-game-against-putin-s-russia> (Date of access – 14.07.2019).
- Scholte J.A. Globalization: A critical introduction. – L.: Macmillan, 2005. – 520 p.
- Tisdall S. The new cold war: Are we going back to the bad old days? // The Guardian. – L., 2014. – 19.11. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2014/nov/19/new-cold-war-back-to-bad-old-days-russia-west-putin-ukraine> (Date of access – 14.07.2019).
- Trenin D. Welcome to Cold War II: This is what it will look like // Foreign Policy. – Wash., D.C., 2014. – 04.03. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2014/03/04/welcome-to-cold-war-ii/> (Date of access – 14.07.2019).

Wallerstein I. The eagle has crash landed // Foreign Policy. – Wash., D.C., 2009. – 11.11. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/11/11/the-eagle-has-crash-landed/> (Date of access – 14.07.2019).

Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Krushchev. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1997. – 382 p.

DOI: 10.31249/ape/2020.01.01

Bratersky M.V.¹ ©, 2020
Sources of the new Cold War:
Main features of the systemic conflict
in the XXI century

Abstract. *This article responds to the question of whether the tensions and conflicts in international relations today are only a repetition of the Cold War, or the international community observes a different process. Advancement in the discussion on this topic would prompt the modern generation of politicians and experts on the usefulness of the Cold War experience dating back to 1947–1989 for interaction between the great powers. It may be also helpful for analyzing the perspectives of the resolution of this conflict as well as for finding the solutions which will be at least partly acceptable to the participants. The article compares the main features of the «old» and «new» cold wars according to the number of participants, the role of ideology, degree of military tensions, concentration of economic and other resources for the victory over the opponent. The article relies on a qualitative approach and does not resort to quantitative arguments. Although the new conflict differs from the old Cold War by many parameters, its nature has not changed from the nature of the conflict in the past. Participants in today's conflict use new different instruments, the role of ideology has diminished, a military threat is perceived less sharply than before, but the current conflict is, in essence, a cold war. The new conflict evolves in the epoch of globalization and the proliferation of nuclear weapons, and these circumstances introduce in the conflict both rivalry and*

¹ Bratersky Maksim Vladimirovich – Sc.D. in political sciences, leading researcher, head of sector, Department of Europe and America, INION RAS; professor, Faculty of world economy and international affairs, National research university «Higher school of economics» (bratersky@gmail.com).

some elements of cooperation. In a sense, the new conflict continues the old Cold War in the same mode how the Second World War and the Cold War resulted from form the First World War and the Treaty of Versailles, which had not succeeded in creating the basis for long-lasting and solid peace.

Keywords: Cold War, Global governance, nationalism, Russia, China, USA.

References

Bazhanov E.P. (1999). The evolution of Russian foreign policy (1991–1999) [*Evolutsiya rossiiskoi vneshnei politiki (1991–1999)*] / Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. – Moscow. – 30 p.

Fukuyama F. (1989). The end of history? // *The National Interest*. – Washington, D.C. – Issue 16. – P. 3–18.

Harshaw T. (2019). Winning the nuclear game against Putin's Russia // *Bloomberg*. – New York. – 23.02. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-02-23/winning-the-nuclear-weapons-game-against-putin-s-russia> (Date of access – 14.07.2019).

Scholte J.A. (2005). *Globalization: A critical introduction*. – London: Macmillan. – 520 p.

Tisdall S. (2014). The new cold war: Are we going back to the bad old days? // *The Guardian*. – London. – 19.11. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2014/nov/19/new-cold-war-back-to-bad-old-days-russia-west-putin-ukraine> (Date of access – 14.07.2019).

Trenin D. (2014). Welcome to Cold War II: This is what it will look like // *Foreign Policy*. – Washington, D.C. – 04.03. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2014/03/04/welcome-to-cold-war-ii/> (Date of access – 14.07.2019).

Wallerstein I. (2009). The eagle has crash landed // *Foreign Policy*. – Washington, D.C. – 11.11. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/11/11/the-eagle-has-crash-landed/> (Date of access – 14.07.2019).

Zubok V., Pleshakov C. (1997). *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Krushchev*. – Cambridge, MA: Harvard univ. press. – 382 p.